

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Замок МакКейб, Северо-Шотландское нагорье,
23 сентября 1812 года*

Ты уверена, что хочешь этого, Прю? — спросила Эмили.
Мисс Пруденс Этчингем отвернулась от окна. Ее нахмуренные брови послужили достаточным ответом.

— Но ведь ты должна признать, что чай у леди Карнэч, поданный нам по приезду, был лучше всего, на что способна экономка моей матери. Ради таких лимонных пирогов я бы с радостью вышла и за дьявола.

Эмили скрестила руки на груди. Они спорили об этом на протяжении всего пути в Шотландию, а теперь осталось лишь несколько минут до того, как Пруденс встретит своего возможного жениха.

— Лимонные пироги вполне хороши...

— Они куда больше чем просто хороши, позволь заметить, особенно если ты жила на содовом хлебе экономки моей матери, — прервала ее Пруденс.

— Ты не можешь продавать себя за пирог, — настаивала Эмили. — Ты, как никто из всех, кого я знаю, достойна большего.

Пруденс прислонилась к краю кровати, такой высокой, что невозможно было сесть на матрас, не подпрыгнув.

— Ты единственная, кто так думает. Ярмарка невест давным-давно отказалась от меня.

Они расположились в одной из бесчисленных гостевых комнат замка, уже одетые к обеду, в ожидании гонга, который

позвал бы их вниз. Эмили признавала, что этот замок бесспорно превосходит владения Этчингемов в Лондоне. Замок был настолько велик, что Эмили и Пруденс поселились в отдельных комнатах, — роскошь, которую редко позволял их статус старых дев.

А если Пруденс последует плану, подготовленному для нее матерью, то ей будет принадлежать весь замок, не только маленькая гостевая комнатка. Большинство девушек двадцати шести — двадцати семи лет были бы счастливы получить предложение от графа. Но лицо Пруденс было бледным под локонами высокой прически, в которую она собрала свои светло-каштановые волосы. И желтое платье лишь подчеркивало ее бледность — придавая ей болезненный, а отнюдь не счастливый вид.

— Тебе не нужно одобрение ярмарки невест, — возразила Эмили. — Если ты просто немного подождешь, возможно, одно из твоих исторических исследований принесет тебе определенную прибыль.

Пруденс улыбнулась, но глаза ее остались печальны.

— История продается куда хуже романов. И лучше выйти замуж, чем остаться старой девой в компании моей матери.

Эмили принялась теревить нитку на распутившейся кромке перчатки.

— Мне кажется, мы могли бы сбежать через год или два. Как только мне исполнится тридцать, моя мать наверняка позволит мне обосноваться в коттедже в сельской местности. И никто не будет возражать, если ты ко мне присоединишься. И тогда ты сможешь изучать историю, а я писать свои романы, не опасаясь разоблачения.

— И как же я буду платить за коттедж?

— Если не одна из нас не выйдет замуж, нас обеспечит наше приданое. К тому же, если мои книги продолжат вызывать интерес...

Пруденс снова ее прервала:

— Твое приданое, возможно. Но мое не позволит мне купить даже новую пару перчаток. Матушка говорит, что в моем

возрасте и без гроша за душой я должна благодарить Бога за любого мужчину, который обратит на меня внимание. А от графского титула Карнэча у нее просто слюнки текут.

Эмили прекратила пощипывать перчатку и с виноватым вздохом натянула ее на руку.

— А ты не думаешь, что именно это может стать причиной, по которой ты не выйдешь за лорда Карнэча? Ты с ним даже не знакома. Наши матери очарованы леди Карнэч, потому что провели с ней лондонский сезон, но они ничего не знают о ее сыне. Она сказала, что он собирается заняться политикой — что, если за этого хлыща не хочет выйти ни одна дама? Что, если его вкусы окажутся *извращенными*?

На последнем слове ее голос упал до шепота, но Пруденс захихикала.

— Я видела те же иллюстрации, что и ты, Милли. И за эти лимонные пироги готова смириться с легкой извращенностью.

С легким румянцем, окрасившим щеки, Пруденс внезапно стала выглядеть куда моложе своих лет. Эмили вздохнула:

— Не принимай пока решения, Прю. По крайней мере, пока не увидишь его. Он может оказаться полным огром¹.

— Если он огр, я, конечно же, за него не выйду. И даже за сотню пирогов не соглашусь стать его платной политической партнершей. Но я не могу отвечать всем отказом, как ты. Вполне возможно, это мой последний шанс.

Сердце Эмили сжалось. В отличие от ее кузины Мадлен, недавно вышедшей за герцога Ротвела, Пруденс была ее лучшей подругой. И самой милой девушкой во всем Лондоне, со скрытым чувством юмора, которое Эмили обожала.

Но милые черты и чувство юмора бесполезны для девушки без приданого. В Лондоне никто не обращал на Пруденс ни малейшего внимания.

Заметит ли ее лорд Карнэч? Ту, настоящую Пруденс, которую знала Эмили? Или он увидит в ней лишь отчаявшуюся

¹ Огры — в кельтской мифологии — безобразные и злобные великаны-людоеды.

женщину, которая в благодарность за его титул и деньги согласится выполнять все его капризы?

— И все же знай, я сделаю что угодно, лишь бы ты этого избежала. Если придется написать еще одну книгу, такую же как «Непокоренная наследница», я это сделаю. Продажи до сих пор сумасшедшие.

— Тебе не стоит больше так рисковать, — нахмурилась Пруденс.

Весной Эмили написала сатиру, отчасти в результате проигранного Мадлен спора, отчасти как месть самым невыносимым будущим поклонникам. Она предпочитала писать готические романы на общественные темы, но книга продавалась несравненно лучше всего, что она написала ранее.

— Риск стоит того, если книга спасет тебя от Карнэча, — ответила Эмили.

Зазвучал сигнал к обеду — наверняка слуга поднялся по лестнице, чтобы позвонить в колокольчик специально для них, поскольку гостевое крыло было отделено от семейного широким и высоким главным холлом. Пруденс оттолкнулась от кровати и протянула руку Эмили, помогая ей встать.

— Нет, тебе нельзя писать вторую, — твердо сказала она. — Если кто-то узнает, что автором первой была ты, твоя репутация будет уничтожена. И тогда моя мать не позволит мне с тобой видеться. Так что тебе нельзя рисковать, даже если следующая книга позволит тебе всю жизнь наслаждаться лимонными пирогами.

Эмили улыбнулась.

— Хорошо, никакой сатиры. Как насчет готического романа, в котором подлый соблазнитель заманивает прекрасную даму в свой замок в горах, а потом заставляет ее устраивать вечера для вигов до конца ее дней?

Пруденс шлепнула ее по руке.

— Дай мне хоть познакомиться с ним, прежде чем объявишь его злодеем.

Эмили смягчилась. Они направились к лестнице, ведущей в главный зал. Замок давно потерял свой первоначальный

вид — как и многие другие замки, к изначальному зданию за минувшие века пристраивали новые крылья, сносили старые, обновляли оставшуюся часть. Главный зал остался нетронут, его стены до сих пор были убраны гобеленами, а на помосте возвышался древний стол для лорда и его семьи. За возвышением коридор и лестница были превращены в картинную галерею, ведущую в единственную уцелевшую башню.

Эмили вздрогнула, когда они проходили по залу к лестнице, ведущей в семейное крыло, куда более современное по сравнению с остальной частью замка.

— Если решишь остаться, убедись, что Карнэч купит тебе тапочки с хорошей подошвой. Иначе ты рискуешь свернуть себе здесь шею.

Пруденс не рассмеялась как обычно.

— Хватит о смерти, Мили. Мне нужно сосредоточиться.

Эмили вздохнула. На то, чтобы взойти по лестнице и дойти по коридору к гостиной, ушло всего несколько секунд. Пруденс остановилась у самой двери.

— Лимонные пироги, — пробормотала она сама себе.

Эмили улыбнулась, несмотря на мрачное настроение.

— Этот боевой клич будет жить в веках, Прю.

Смех Пруденс был слабым, больше похожим на всхлип. Она расправила плечи, кутаясь в свою гордость, как в плащ, словно на ней был самый дорогой наряд во всей Англии, а не простое муслиновое платье, уже несколько лет как вышедшее из моды. А затем она шагнула вперед, готовая принести себя в жертву улучшению материального положения матери.

Эмили последовала за ней, притворяясь спокойной и чувствуя, как растет в ней гнев. Пруденс этого не хочет, даже зная, что ей это нужно. И если Пруденс решит не требовать для себя чего-то большего, чем это, Эмили сделает что угодно, лишь бы обеспечить подруге альтернативу.

Дворецкий МакКейбов, Грейвз, встретил их у двери.

— Леди Эмили Стонтон и мисс Этчингем, — возвестил он, хотя собрание было крайне маленьким. Эмили знала женщин — свою мать, леди Солфорд, сидящую рядом с матерью